

«КРЕСТНЫЙ ПАПА, ДЯДЬКА, ДЕД...»

Анатолий Лысенко — из потомственных железнодорожников, в молодости работал на заводе инженером, преподавал. Словом, вел нормальный образ жизни. До тех пор, пока в 1957 году не решился круто изменить свою жизнь и пришел на телевидение. Изменения не замедлили сказаться. Родной отец перестал разговаривать с сыном на многие годы. Оттаял он, лишь когда Анатолия выдвинули на Государственную премию... Видимо, поверил, наконец, что сын занят серьезным делом...

Сегодня А. Лысенко — генеральный директор РТР, живая легенда молодежной редакции ЦТ. В ее недрах выросли независимые телекомпании ВИД, АТВ, ворошиловская «Игра», чьи передачи определяют сегодня образ современного телевидения.

— Вам не жалко было покидать «отчий дом» — молодежную редакцию?

— Жалко. Но меня поставили перед фактом. Позвонил главный редактор Саша Пономарев и сказал, что я уволен. Я так растерялся, что даже дар речи потерял. А он объяснил: «Вышел указ Президента о назначении тебя генеральным директором РТР»... Моего согласия никто не спрашивал.

— Могли ведь отказаться...

— Попробовал, ничего не получилось. Но это и к лучшему. «Взгляд» к тому времени уже распадался. ВИД был почти создан. Дети выросли... Я ведь все-таки был для них «дядькой».

— Скорее, «крестным отцом».

— Ну да. «Крестный папа», «дядька», «дед», «лысый» — конечно, знаю, как они меня называли... Но молодежи захотелось самостоятельности. Это закономерно...

— Насколько мне известно, они никогда не считали вас просто начальником. Интересно, а вам нравится быть большим начальником?

— По сути, я, конечно, чиновник, но хочется быть и человеком творческим. Поэтому мне гораздо интереснее с людьми обсуждать концепцию передачи или фильма. В этом удовольствии я себе отказать не могу.

— Наверное, нечасто это удается...

— Трагедия сегодняшнего телевидения в том, что творчество стало неотделимо от денег. До 1991 года этой проблемы не существовало.

С ностальгией вспоминаю конец шестидесятых, когда мы с Володи Воршиловым целый год работали над созданием передачи «Аукцион». Это была первая передача рекламного толка. (Забегая вперед, скажу, что прошло всего шесть выпусков, после чего Воршилова вообще выгнали с ТВ, а меня на 17 лет сняли с эфира.) Вот тогда мы в течение целого года каждый день встречались у меня дома — благо, на службу можно было не ходить. А так как при внешнем спокойствии мы оба скандалисты, то сразу переходили на мат. Володька — истерик, а я еще любил его подзуживать и дразнить. Мои родители от нашего крика и визга просто сходили с ума. За год работы мы оба получили 300 рублей постановочных, нам все завидовали: «Ого! Вы что же, за каждую передачу столько получать будете?».

Да что говорить, ребята во «Взгляде» за два прямых эфира в день (на орбиту и на Москву) получали сорок рублей на троих! А что такое прямой эфир? Медики проводили над нами эксперименты, подключали всякие датчики и выяснили, что давление подскакивает аж до 250... А уж что со мной творилось, когда я наверху метался как загнанный зверь, то и дело хватаясь за телефон, — вообще молчу...

А сейчас приходит ко мне человек и говорит: «Хочу делать передачу, у меня есть спонсор!» — «О чем передачу?» — спрашиваю. «Какая разница!» — отвечает. — Главное — спонсор есть!».

— Часто ли вам приходится от каких-то творческих замыслов отказываться по политическим мотивам?

— Я достаточно опытный человек и могу из любой ситуации найти выход. Иногда говорю: «Старик, сейчас не время сказать ТАК, давай придумаем, как сказать ТАК ЖЕ, но не оскорбительно и, самое главное, чтобы наши слова не принесли вреда!».

Например, недавно мы перенесли передачу Артема Боровика про Чечню с субботы на среду.

ТВ Парк. — 1995. — 6 апр. — с. 42-43.

— Почему?

— Дело не в том, что мне передача не очень понравилась, слишком перемудрили ребята, о чем я честно и сказал... К тому моменту уже было известно, что героев передачи, находившихся в плену, удалось выкупить. И прилететь они должны были в понедельник. Я человек суеверный. А вдруг в субботу кому-то что-то в программе не понравится и освобождение сорвется? Что, потом всю жизнь мучиться? Как считаете, это в угоду политической ситуации?

— По-моему, нет.

— Вот и я думаю, что нет. Более того, каждый все равно видит на экране то, что хочет увидеть. Когда-то (во времена того же карабахского конфликта) по ТВ передавали прогноз погоды: «...Баку 0 — +3... Ереван 0 — +4...». Тут же раздавался звонок из Армении: «Вы поддерживаете Азербайджан, потому что их передали первыми». На следующий день — наоборот. Звонок из Азербайджана: «Как же так, почему вы поддерживаете Армению?»

— Начальство тоже видит то, что хочет увидеть?

— Конечно. Например: «Сегодня в «Вестях» все правильно сказали, но почему Сорокина, когда говорила то-то и то-то, зажмурилась?..» А уж депутат Марычев вообще способен убить фразой: «От холодных глаз Сванидзе трое моих избирателей упали в обморок...»

— Бред.

— Марычеву хочется видеть в глазах Сванидзе лед, а я вижу в них грусть и боль. И мы никогда с Марычевым не договоримся.

Сейчас все считают своим долгом критиковать телевидение. Ну почему я не даю советов сапожнику или булочнику? Потому что они профессионалы и знают свое дело. Но кто дал им право лезть в мою работу? Одна женщина недавно упрекнула меня: на телевидении много порнографии. Я долго думал, что же она имела в виду, ибо только передача «Аэротика» более или менее подходит под это определение. Не удержался, спросил, что же она имеет в виду? Ответила она потрясая: «У меня, к сожалению, нет телевизора, но мне многие так говорят!». Что уж тут ответить...

— Вы завидуете хорошим журналистам?

— Я вообще-то независтливый. Могу позавидовать людям, имеющим хорошую библиотеку...

— Часто ли вам приходится нервничать?

— Целыми днями.

— Вы действительно нервничаете или все же внутренне остаетесь спокойным?

— На работе считают, что я человек спокойный, не могу же я орать на подчиненных. Вот и приходится срываться на домашних. На собаке, конечно, срываться глупо — Дуська обижается. А Маша, дочь, все понимает. Бывает, и мне попадает после тяжелой операции.

— Она не пошла по вашим стопам?

— Нет, к счастью. Она с двенадцати лет мечтала быть врачом. Когда ей было пятнадцать, я по блату устроил ее работать в институт Склифосовского. Причем просил взять ее в гнойно-хирургическое отделение, в надежде, что она сбежит оттуда через день. Не сбежала и после школы поступила в медицинский.

Зато теперь мне гарантирован безболезненный уход в мир иной. Она ведь работает анестезиологом-реаниматором.

— Бог с вами!

— Нужно же извлекать пользу из знакомств...

Анастасия Ниточкина

